Государственный институт искусствознания

ИСКУССТВОЗНАНИЕ: НАУКА, ОПЫТ, ПРОСВЕЩЕНИЕ

Международная научно-практическая конференция
5–6 октября 2018 года

Москва 2019

УДК 7.072.2
ББК 70
И86

Печатается по решению Ученого совета
Государственного института искусствознания

При содействии
Министерства культуры Российской Федерации
Фонда «Искусствознание: наука, опыт, просвещение»
Международного научно-культурного центра академических контактов (ISCCAC)

Рецензенты:
Л.В. Ширшова, доктор искусствоведения
А.Ю. Казарян, доктор искусствоведения

Искусствознание: наука, опыт, просвещение: сборник статей по материалам Международной научной конференции. 5–6 октября 2018 года // Ред.-сост. Г.У. Лукина. – М.: Государственный институт искусствознания, 2019. – 384 с., ил.

ISBN 978-5-98287-150-3

Сборник основан на материалах международной научной конференции «Искусствознание: наука, опыт, просвещение». Материалы охватывают широкий круг тем и проблем, связанных с разными видами искусства (музыкального, театрального, изобразительного, декоративно-прикладного искусства, архитектуры, экранных искусств и пр.). Это комплексное междисциплинарное исследование многих отечественных и зарубежных ученых, преподавателей, научный интерес которых сопряжен с теорией, историей, философией искусства, художественной практикой и образованием. Сборник адресован специалистам гуманитарной сферы, занимающимся исследованием художественной культуры, преподавателям и всем, кто интересуется искусством.

ISBN 978-5-98287-150-3
© Коллектив авторов, текст, 2019
© Государственный институт искусствознания, 2019
© И.Б. Трофимов, разработка макета, 2019
© Е.А. Сиверс, оформление, 2019

С.Ю. Штейн

Проблема дисциплинарной идентичности искусствоведения

Современное искусствоведение как специфическая дисциплинарная предметность сталкивается с целым рядом проблем, решение которых либо реализуется весьма поверхностно, либо оказывается просто-напросто невозможным с использованием традиционного для искусствоведения методологического инструментария, либо же вообще игнорируется. Среди них, например, такие проблемы, как:

– изменение средств и материала деятельности, традиционно интерпретируемой искусствоведением как художественная, и продукты которой оказываются в центре фокуса искусствоведческой познавательной активности;

– появление принципиально новых по отношению к традиционным продуктивных объектов, которые формально оказываются в предметной области искусствоведения, но которые, однако, рассматриваются либо весьма поверхностно, либо вообще уходят из фокуса искусствоведческого взгляда;

– трансформация исходной функции того, что традиционно определяется в качестве произведения искусства – это связано не только с тем, что меняется оно само или меняются виды деятельности, в которых оно реализует свою основную функцию, но главным образом с тем, что произведения искусства оказываются вообще не функциональны вне искусствоведческой рефлексии[1].

Часть из этих проблем, с учетом определенной трансформации их видения, находит свое решение в культурологии. Таким образом, складывается ситуация своеобразного «нахлеста» друг на друга двух дисциплинарных предметностей, а с учетом исходно более общего масштаба предметной

[1] Подробно об этом см.: *Штейн С.Ю.* Актуальные проблемы искусствоведческих исследований // Культура и искусство. 2017. № 10. С. 59–73. DOI: 10.7256/2454-0625.2017.10.23490. URL: http://e-notabene.ru/pki/article_23490.html. Дата обращения: 08.02.2019.

области культурологии – экспансия культурологии в отношении исследовательского материала, традиционного для искусствоведения. В связи с этим возникает не только проблема наличия потенциально двойственного знания в отношении одного и того же, но и проблема сохранения искусствоведением своей дисциплинарной идентичности.

Кратко описав принципы дисциплинарной специфики научного знания (1. Дисциплинарная структура науки), используя деятельностный подход и метод онтологизации, сконструируем самые общие онтологические схемы предметных областей культурологии и искусствоведения (2. Предметные области искусствоведения и культурологии), на сопоставлении которых затем смоделируем три возможных сценария развития описанной ситуации, в первом из которых – искусствоведение поглощается культурологией, во втором – оказывается субдисциплинарной предметностью культурологии, а в третьем – отстаивает свою самостоятельность и дисциплинарную идентичность (3. Дисциплинарная судьба искусствоведения).

1. Дисциплинарная структура науки

Беря за основу принятые в отечественном науковедении представления в отношении научной дисциплины[1] (что мы и делаем), а также следующее ее определение – это «определенная форма систематизации научного знания, связанная с институализацией знания, с осознанием общих норм и идеалов научного исследования, с формированием научного сообщества, специфического типа литературы (обзоров и учебников), с определенными формами коммуникации между учеными, с созданием функционально автономных организаций, ответственных за образование и подготовку кадров»[2], – выделим главный компонент, отделяющий научную дисциплину от какого-либо дискурсивного единства, которое может содержать в себе большинство относящихся к ней черт – это заместительная функция дисциплинарного знания в отношении познаваемого и социальная ответственность ученых, образующих дисциплинарное единство, за данный характер знания. Определяя познаваемое в дисциплинарном масштабе как предметную область (ПО), необходимо говорить о ее принципиальных границах, обуславливаемых, во-первых, той объектной областью (ОО) – независимой от исследовательской рефлексии данности, доступной для непосредственного восприятия, в отношении которой на избранном масштабе и реализуется познавательная активность,

[1] См.: *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. С. 74–114; *Мирский Э.М., Юдин Б.Г.* Дисциплинарное строение науки // Научная деятельность: структура и институты. М.: Прогресс, 1980. С. 5–24; *Огурцов А.П.* Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988; *Он же.* Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 ч. Ч. 2: Философия науки: наука в социокультурной системе. СПб.: Изд. дом «Міръ», 2011. С. 284–306.

[2] *Огурцов А.П.* Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. С. 244.

а во-вторых, онтологической схемой самой этой предметной области – тем, что, фиксируя принципы отношения между реально наличествующим (реальная часть предметной области соответствующая объектной области) и формируемым условностями познавательной активности (фантомная часть предметной области), определяет ее уникальность по отношению к каким-либо иным предметным областям (*схема 1*).

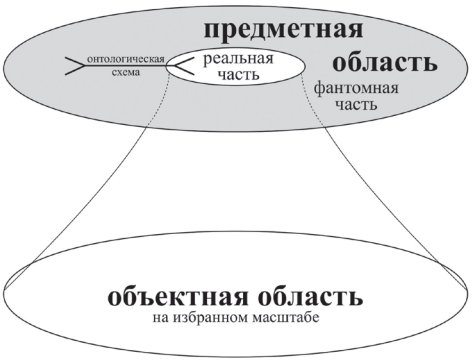


Схема 1

Исходя из нашего понимания научной дисциплины, сформируем простейшую схему дисциплинарной идентичности, состоящую из таких компонентов, как дисциплинарная предметность (ДП), образуемая иерархированным сообществом, реализующим познавательную активность с использованием устойчивых средств (с), подходов (п), методов (м) и методологических «конструкторов» (м «к»; «набор методов, адаптированный к специфике конкретного материала и/или решению конкретных исследовательских задач»[1]) в отношении соответствующей дисциплине предметной области, а также продуцируемой в условиях дисциплины знаниевой сетки, в условиях которой функция единичного знания является заместительной или условно заместительной в отношении конкретно познаваемого, а общий характер всего массива дисциплинарного знания оказывается моделью данной предметной области, способной в отсутствии возможности непосредственного восприятия быть ее знаниевым заместителем (*схема 2*).

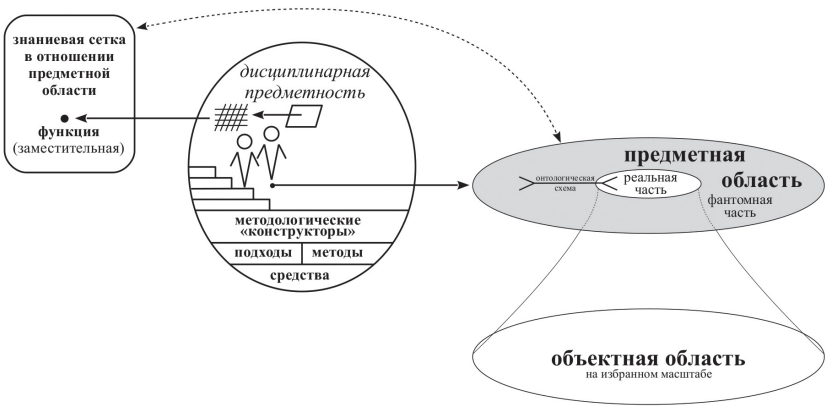


Схема 2

Чтобы в дальнейшем отсечь допущения о возможном продуктивном междисциплинарном взаимодействии искусствоведения и культурологии

[1] *Штейн С.Ю.* Методология в искусствоведении // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2017. №4. Ч. 1. С. 37.

вместо запланированного моделирования ситуаций поглощения одной дисциплины другой, в самых общих чертах представим ситуации абстрактного междисциплинарного взаимодействия, из которых видно, что реальная продуктивность междисциплинарных исследований весьма ограничена и приводит вовсе не к созданию более качественного знания. А, например, или к такого рода представлениям, функция которых, в отличие от заместительной функции традиционного дисциплинарного знания из-за их негомогенности основному массиву конкретного дисциплинарного знания, не совсем прояснена, или же к знанию, которое оказывается дисциплинарным вообще вне исходных взаимодействующих дисциплинарных предметностей.

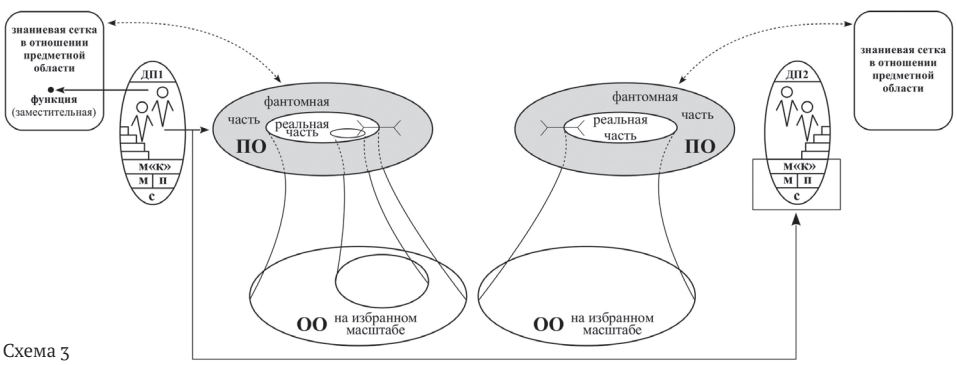


Схема 3

Предварительно необходимо заметить, что междисциплинарность не возникает в том случае, когда происходит простой частичный «захлест» объектных областей двух и более дисциплинарных предметностей (*схема 3*), равно как и тотальный «захлест» объектной области одной дисциплины объектной областью другой дисциплины – все это случаи рассмотрения с различных точек зрения одного и того же объективно наличествующего. Междисциплинарный характер исследования может быть определен только в том случае, если происходит совмещение частей предметных областей или же использование одной дисциплинарной предметностью методологического инструментария иной дисциплины, что, естественно, трансформирует характер онтологической схемы ее собственной предметной области, позволяя определять это как частный междисциплинарный случай.

Первая междисциплинарная ситуация, которую условно допустимо определить как междисциплинарную, генетически связана с одной из «родительских» дисциплин, может разворачиваться в трех разных вариантах:

– исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в «захлесте» или же на стыке объектной области их собственной дисциплины и какой-то иной дисциплинарной предметности, с частичным совмещением предметных областей, при том, что знание

о предмете продуцируется с использованием традиционных для родительской дисциплины один средств, подходов и методов, и функционально полагается в ее знаниевую сетку; проблема данной ситуации заключается в том, что встает вопрос о функциональной возможности ведения полноценной познавательной деятельности в отношении частично иного (на уровне онтологической схемы предметной области) исследуемого материала без адаптированного к нему методологического инструментария;

– исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в «захлесте» или же на стыке объектной области их собственной дисциплины и какой-то иной дисциплинарной предметности, с частичным совмещением предметных областей, при том что знание о материале продуцируется с использованием средств, подходов и методов, традиционных для дисциплины два, однако само знание функционально полагается в знаниевую сетку дисциплины один; проблема данной ситуации заключается в том, что встает вопрос о потенциальной негомогенности такого знания общему массиву знания в условиях знаниевой сетки данной дисциплинарной предметности и как следствие – во-первых, о неопределенности места полученного знания в ее структуре, во-вторых, о самой возможности его понимания научным сообществом, образующим данную дисциплину, что, впрочем, может быть преодолено вследствие апроприации изначально чуждых средств, подходов и методов и включения их в традиционный методологический инструментарий данной дисциплины (однако в данном случае, по сути, трансформируется междисциплинарный характер познавательной активности, оказывающийся традиционно дисциплинарным), а в-третьих, о фактической трансформации онтологической схемы предметной области – ее расширении за счет заимствованного, чего, конечно, в реальности никогда не происходит, так как это требует пересмотра всей дисциплинарной идентичности данной предметности, и поэтому такое знание оказывается или обособлено от иного знания внутри общей знаниевой сетки данной дисциплины или же вовсе отчуждено;

– исследователями, находящимися в дисциплинарной предметности один, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного в реальной части соответствующей данной дисциплине предметной области, а получаемое знание функционально полагается в ее знаниевую сетку, при том что знание о предмете продуцируется с использованием средств, подходов и методов, традиционных для иной дисциплины (*схема 4*); проблема данной ситуации полностью совпадает спервыми двумя аспектами проблемы из предыдущей ситуации.

Вторая междисциплинарная ситуация, которой условно можно дать название междисциплинарная-обособляющаяся от «родительских» дисциплин, заключается в том, что исследователями, находящимися вне той или иной дисциплинарной предметности или же условно дистанцирующимися от конкретной дисциплины, реализуется познавательная активность в отношении материала, расположенного на стыке объектных

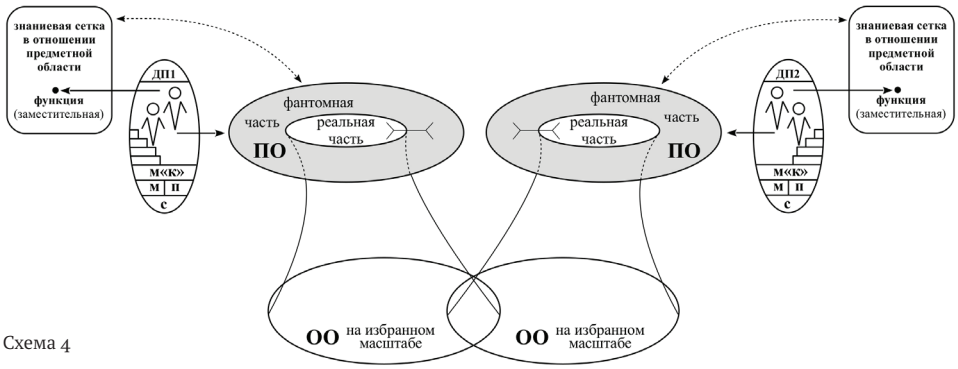


Схема 4

областей двух разных дисциплинарных предметностей или же вовсе вне их, но с частичным заимствованием предметных областей обеих этих дисциплин, при том что продуцируемое знание полагается вне существующих в этих двух дисциплинах знаниевых сеток, что при определенных условиях приводит к формированию новой дисциплинарной предметности со своей уникальной предметной областью, а также соответствующей ей знаниевой «сетки» и дисциплинарным сообществом (*схема 5*).

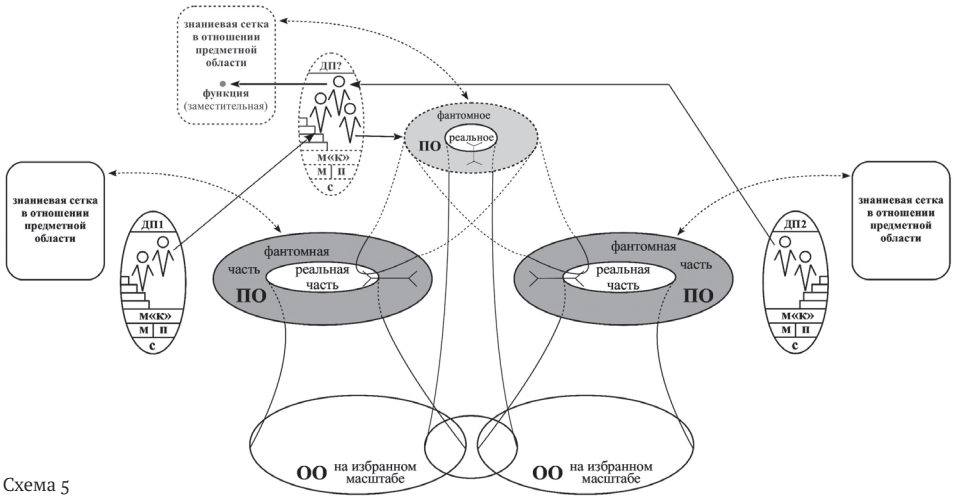


Схема 5

Еще одним важным аспектом возможного взаимодействия или, точнее, взаимосвязи различных дисциплин является иерархированная соподчиненность одной дисциплины другой, в которой из онтологической схемы предметной области «родительской» дисциплины «вырастают» субдисциплины, полностью сохраняющие ее компоненты и структуру, но приобретающие собственную спецификацию, как правило, за счет их конкретизации (например искусствоведение является «родительской» дисциплиной для музыковедения, театроведения, киноведения и т. д.). Однако при этой ситуации возможен и выход той или иной конкретной дисциплины из-под «родительской» зависимости, что связано с трансформацией отношения

к ее собственной предметной области – трансформацией ее онтологической схемы (например для киноведения такой выход связан с определением в качестве познаваемого не только фильмов как специфических форм искусства, а кинематографа как системы деятельности, в которой сами фильмы и их возможная искусствоведческая оценка оказываются частью данной системы, то есть искусствоведческий аспект исследовательской рефлексии заключается в границы предметной области такой дисциплины и сам оказывается в качестве исследуемого).

2. Предметные области искусствоведения и культурологии

Определив, что одним из главных компонентов дисциплинарной идентичности является уникальность предметной области научной дисциплины, которая, по сути, и объединяет исследователей в специфическое по отношению к иным дисциплинарное единство, положим в основу моделирования возможных сценариев дисциплинарной судьбы искусствоведения описание и сопоставление онтологических схем предметных областей культурологии и науки об искусстве, которые могут быть получены с использованием деятельностного подхода[1], а также метода онтологизации[2].

Так как мы уже имеем онтологическую схему предметной области искусствоведения, образуемую тремя элементами – деятельностью один (Д-1), «продуктом которой является сенсорновоспринимаемая форма (СВФ), заключаемая в одном варианте реализации данной деятельности в устоявшийся продуктивный контейнер, а во втором – в неустоявшийся продуктивный контейнер», деятельностью два (Д-2), «в которой продукт первой деятельности выполняет определенную функцию», и деятельностью три (Д-3), «для которой продукт первой деятельности является исходным материалом, оказывающимся таковым или вследствие обращения к нему или же в результате его собственной актуализации, и в отношении которого реализуется одно из двух или же сразу два принципиальных действия – маркирование термином “искусство” и координирование по отношению к иным формам, которые уже имеют маркирование термином “искусство”, продуктом чего является маркированная и/или скоординированная (помещенная в определенную “систему координат”)

[1] См., например: *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С.233–280; *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997; *Штейн С.Ю.* Деятельностный подход в искусствоведении // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2017. №2. Ч. 1. С. 99–109.

[2] См., например: *Щедровицкий Г.П.* Проблемы методологии системного исследования // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. С.155–196; *Он же.* Заметки об эпистемологических структурах, онтологизации, объективации, реализации // Вопросы методологии. 1996. №3–4 (23–24). С. 165–176.

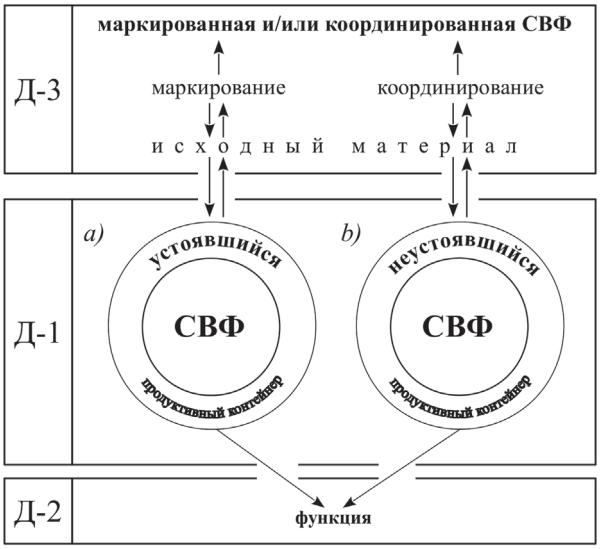


Схема 6

сенсорновоспринимаемая форма»[1] (для наглядности репродуцируем эту схему – *схема 6*), то будет логичным для гомогенности сопоставляемых построений моделировать онтологическую схему предметной области культурологии с использованием того же самого принципа – полагая в ее основу человеческую активность, заключаемую в рамки тех или иных конкретизируемых (по возможности) видов деятельности.

Для того чтобы не оказаться в ситуации проблематизации единства культурологии как специфической дисциплинарной предметности, что само по себе может быть интересным направлением исследовательской активности, а также необходимости определения отличия и специфики отечественной культурологии от западных дисциплинарных направлений, связанных с исследованием культуры, таких как *Cultural studies* и *Kulturwissenschaft*, определим науку о культуре на максимально общем масштабе – как дисциплину о всей совокупности человеческой активности, связанной с деятельностным функционированием человека как вида, порождающим отличную от природы среду для его существования.

Опираясь на это самое общее определение культурологии, можно заключить, что онтологическая схема ее предметной области может быть представлена через два компонента: деятельность один (Д-1), раскладываемую на неограниченную множественность конкретизаций (1, 2, x), и деятельность два (Д-2), которая также раскладывается на неограниченную множественность конкретизаций (1, 2, x). Продукт любой из деятельности один так или иначе функционален в той или иной конкретной деятельности два, которой, по сути, может являться любая из конкретизаций деятельности один, не являющейся продуцирующей данный продукт. Продукт же деятельности два потенциально может быть функционален для любой из деятельности один, если она сама не является таковой. При этом любая из этих деятельностей потенциально трансформируема (tr) в условиях пространственно-временной (st) конкретики ее реализации (*схема 7*). Таким образом, мы получаем предельно обобщенное схематическое

[1] *Штейн С.Ю.* Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения // Артикульт. 2017. 26 (2). С. 10–14.

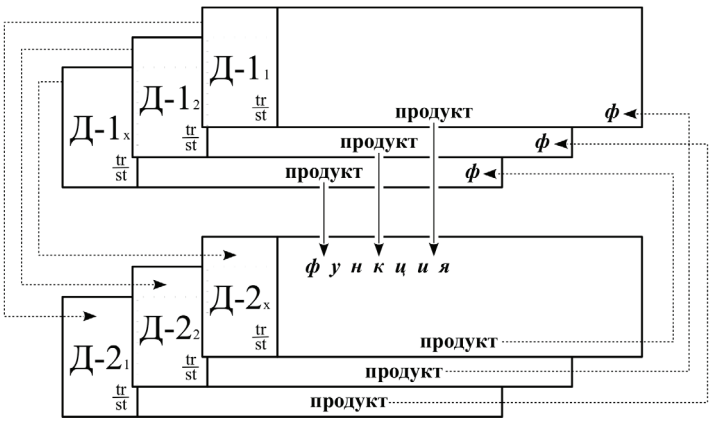


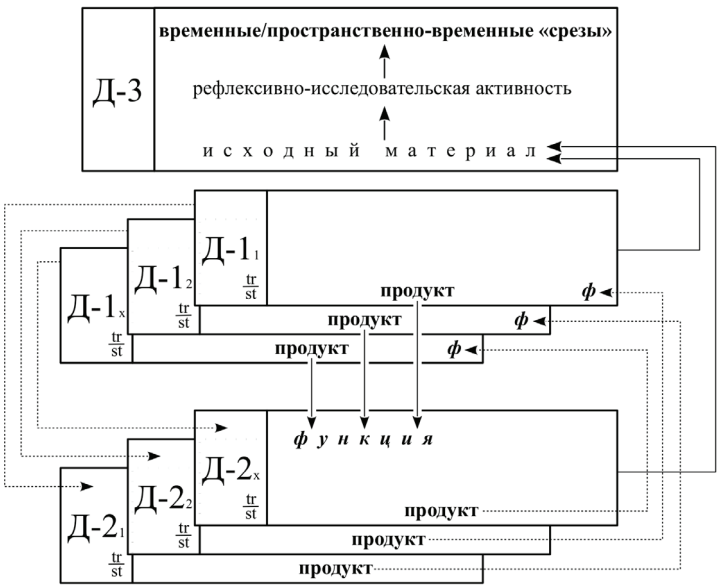
Схема 7

представление системы человеческой деятельности, то есть того, что и является предметной областью культурологии, локальные исследования в рамках которой, как правило, ограничиваются или определенным образом выделяемыми временными / пространственно-временными «срезами» этой системы, или отдельными видами деятельности, или же теми или иными их компонентами (например продуктами).

Так как при таком масштабе полученной схемы в реальной части предметной области культурологии априори оказывается вообще вся деятельностная активность человека как вида, что в актуальный момент является лишь перспективной потенцией для данной дисциплины как метадисциплины о культуре, подминающей под себя бóльшую часть гуманитарных дисциплин, то мы смоделируем еще один – масштабно несколько усеченный – производный вариант этой схемы, который более приближен к реалиям существующей культурологии. Для этого мы введем в полученное построение деятельность три (Д-3) – конкретизацию фантомной части данной предметной области, для которой деятельности один и два будут являться исходным материалом, целью – выделение временных/пространственно-временных «срезов» системы, образуемой совокупностью взаимосвязанных видов деятельностей один и два, а продуктом – определенные целеполаганием данной деятельности «срезы» (*схема 8*).

Таким образом, по аналогии с искусствоведением мы вводим в предметную область культурологии часть собственно исследовательской культурологической рефлексии, которая в таком качестве оказывается внедисциплинарной – дискурсивной познавательной активностью – тем, что само уже является исследуемым. А культурология как научная дисциплина исследует уже не вообще все, что связано с деятельностным функционированием человека, а исключительно то, что определяется в качестве временного/пространственно-временного «среза» данного функционирования (используя словосочетание «временной/пространственно-временной “срез”» мы формализуем то, что в различных предметных представлениях получает такие названия, как «форма культуры», «культурный образец», «культурная идентичность» и т. п.).

Схема 8



Это позволяет нам скорректировать данное самое общее определение культурологии – дисциплина об устойчивых временных/пространственно-временных «срезах» системы, образуемой совокупностью человеческой активности, связанной с деятельностным функционированием человека как вида, порождающим отличную от природы среду для его существования.

3. Дисциплинарная судьба искусствоведения

Сопоставляя полученные схемы через их погружение в конкретные ситуации, формируемые в том числе теми или иными магистральными векторами научно-исследовательской активности ученых, образующих рассматриваемые дисциплинарные предметности, мы можем смоделировать три принципиальных варианта дисциплинарной судьбы искусствоведения, которые оказываются возможными, главным образом, в связи с реальной проблематичностью для культурологов формировать целостное и всеобъемлющее знание в отношении предметной области в максимально обозначенных границах.

Сценарий первый: потеря искусствоведением дисциплинарной идентичности. Данный сценарий основан на предположении, что предметная область культурологии все-таки определяется образующим ее научным сообществом на самом общем масштабе при том, что культурологами находится и принимается некая общая для всех методология, с использованием которой осуществляется познавательная активность, преодолевающая принципиальную вариативность гуманитарного знания, а также разрабатывается единое формализованное средство его

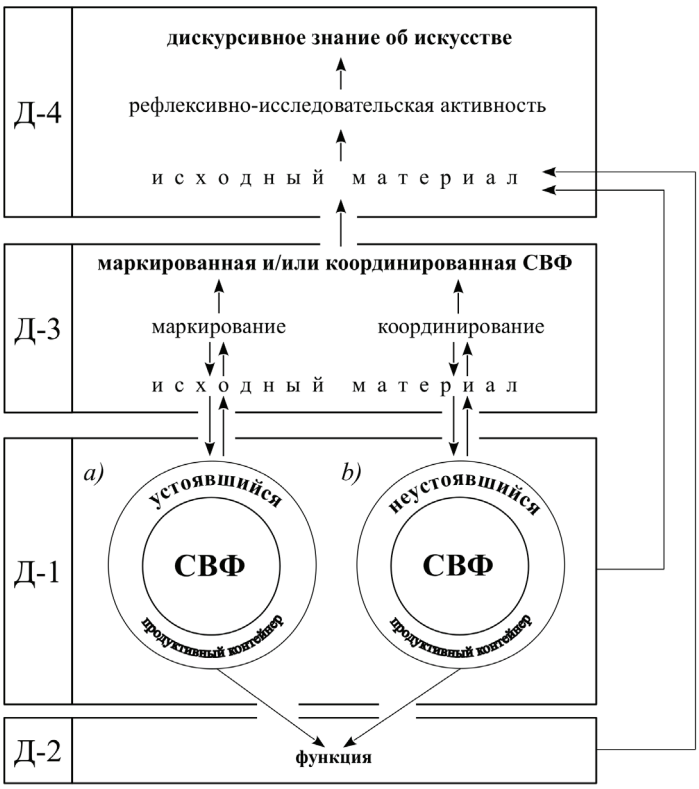
выражения, оказывающееся независимым от условностей естественного языка. В таком случае любые попытки искусствоведов отстоять дисциплинарную идентичность своей науки будут совершенно бесполезны – предметная область искусствоведения автоматически поглотится культурологией, а все существующее искусствоведческое знание, будучи продуктом человеческой деятельности, само окажется в роли исследуемого.

Сценарий второй: искусствоведение – субдисциплинарная предметность культурологии. В основе второго сценария лежит ситуация, в которой предметная область культурологии оказывается смасштабированной до тех границ, которые были обозначены нами во втором варианте ее онтологической схемы при том, что культурологами точно так же, как и в первом сценарии, находится и принимается некая общая для всех методология и единое формализованное средство выражения знания. Субдисциплинарный же характер искусствоведения по отношению к культурологии определяется самой культурологией, по той или иной причине (например, специфичность материала деятельности) проводящей формальное деление «временных/пространственно-временных “срезов”» по типу деятельности или характеру продуктивного выхода деятельности один, одним из компонентов которых при таком делении и оказывается предметная область искусствоведения. Проблематичность в такой ситуации существования искусствоведения обособленно от культурологии связана с тем, что даже если независимым искусствоведением и будет преодолена вся ее методологическая слабость, то формируемое им знание окажется либо не гомогенным общей системе знаний о культуре, частью которой, безусловно, является искусство, либо повторяющим то, которое будет продуцироваться искусствоведением, являющимся субдисциплинарной предметностью культурологии, что, конечно же, не может не привести к сращиванию данных дисциплин, а следовательно, к определению искусствоведения в качестве субдисциплинарной предметности культурологии.

Сценарий третий: искусствоведение – обособленная дисциплинарная предметность. Последний сценарий возможен при двух основных условиях: культурология как дисциплинарная предметность продолжает существовать в ситуации размытости границ ее предметной области (при реальной возможности их четкой демаркации, что и было нами реализовано), отсутствия единства методологического инструментария и средства выражения получаемого знания, при том что искусствоведением преодолевается исходная дискурсивность ее дисциплинарной идентичности, что и связано с нахождением и принятием для всех исследователей-искусствоведов единой методологии, а также унифицированного внеязыкового средства выражения знания. Проблемы преодоления дискурсивности и отсутствия единой гомогенизированной искусствоведческой методологии могут быть решены переходом от натуралистического к деятельностному подходу к познанию, в условиях которого

познаваемым определяется уже не нечто противостоящее познающему, а сама вариативная познавательная активность в отношении одного и того же познаваемого, включая собственную познавательную деятельность[1], что ведет к трансформации предметной области искусствоведения, трансформации ее онтологической схемы – расширению за счет включения в нее деятельности четыре (Д-4), в которой оказывается вся совокупность исследовательской рефлексии в отношении деятельностей один, два и три, то есть все существующее дисциплинарное и дискурсивное искусствоведческое знание (*схема 9*). При такой трансформации предметной области, проблема отсутствия в искусствоведении унифицированного внеязыкового средства выражения знания может быть решена с использованием схемы анализа полиструктурной системы Г.П. Щедровицкого, заключающейся в представлении образующих деятельность процессов через исходный материал, сам процесс и организованность

Схема 9



[1] См, например: *Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. С.143–154; *Штейн С.Ю.* Перманентная рефлексивно-методологическая работа в условиях искусствоведения. С. 7–8.

материала, полученную после реализации в его отношения процесса[1]. В данных условиях для того, чтобы культурологии дисциплинарно подчинить или поглотить такого рода искусствоведение, понадобится трансформировать свою собственную идентичность, приводя ее в соответствие с теми принципами, которые оказываются системообразующими для описанного – принципиально отличного от существующего в актуальный момент, дисциплинарного искусствоведения.

Смоделированные сценарии показали, что, с одной стороны, судьба дисциплинарной идентичности искусствоведения полностью зависит от культурологии и ее трансформации, связанной с модернизацией методологического инструментария, и унификации средств выражения получаемого знания, но, с другой, при принципиальной неизменности состояния культурологии – с трансформацией искусствоведения, проводящего ту же самую дисциплинарную модернизацию, исходя из специфики собственной предметной области. Впрочем, при формировании принципиально иного, дисциплинарно усиленного искусствоведения возможна ситуация, в которой культурология в том максимальном масштабе и методологической целостности, о которой шла речь в первом сценарии, вполне может вырасти из данного искусствоведения, которое затем, естественно, будет им и поглощено.

[1] См.: *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. С. 257–263; *Штейн С.Ю.* Средство выражения теории искусства // Артикульт. 2018. 29 (1). С. 6–19. DOI: 10.28995/2227-6165-2018-1-6-19